

РУФИНА САЛЬВАДОР

Ее можно было увидеть всюду и в жаркий знойный день, и в дождь и в зимнюю стужу. Но чаще она появлялась на улице Пуэрто-Регия, а потом поворачивала в переулок Ель-Мартильо, останавливалась у высоких ворот монастыря Санта Мария, опускалась на колени и молилась у мраморных ступеней скульптуры святой Марии с младенцем.

— О, Санта Мария, не дай мне умереть прежде, чем я не отомщу убийце.

После исступленных молитв она шепотом заканчивала:

— Смерть убийце! — и в ее голубых глазах вспыхивала ненависть.

Потом она медленно уходила. Шла с поднятой головой, не видя перед собой ни людей, которые молча смотрели ей вслед, ни детей, которые тоже затихали. Так каждый день, из года в год.

В городе многое рассказывали о Руфине Сальвадор. Все знали, что она когда-то была счастлива. Но бедного человека быстро находит несчастье, как голод одинокого путника, у которого карман так же пуст, как и желудок. Муж ее когда-то среди шахтеров выделялся смелым умом и силой. Однажды произошел в шахте обвал...

Руфина осталась с десятилетним сыном.

Летом он пас козу у соседей, а зимой ходил к учителю Альфредо, помогал ему растапливать печь, убирать помещение после уроков, а добрый Альфредо учил его грамоте.

Мать очень гордилась сыном и все делала для того, чтобы Мигуэль «стал человеком».

Когда в Испании начался мятеж, Мигуэлю шел семнадцатый год. Мать и сын рядом сражались в рядах республиканцев.

Последние дни сражения, когда астурийцам на спасение не было надежды, когда с одной стороны было море, а с другой — фашисты, когда не было ни патронов, ни гранат,— группа смельчаков ринулась на фашистов врукопашную. Но силы были слишком неравные... В дождливый ноябрьский день город Хихон пал. Защитники города, оставшиеся в живых, связанные, стояли, прижавшись друг к другу, у стены монастыря Санта Мария.

На площади наскоро был раскинут шатер. В кресле сидел главарь фашистов — сын хозяина угольной шахты из Овиедо Хуан Варгас. В руке он крутил стэк с золотой ручкой. Около него справа и слева стояли преданные ему головорезы.

Из толпы выводили республиканцев и ставили к стене.

Стэк с золотой ручкой поднимался и опускался. Раздавался залп.

— Да здравствует республика! — это были последние предсмертные слова каждого казненного испанца.

Целый день шла расправа над пленными.

А под вечер, когда оставшихся обреченных фалангисты прикладами загоняли через площадь в монастырь, от толпы пленных, еле держась на ногах, отделился юноша.

Он стал перед Варгас и резко сказал:

— Ты убийца, Хуан Варгас!

— О! Я вижу, ты, юноша, смел. Твоя отвага и смелость дает нам право быть снисходительными к тебе.

— Я не жду от вас снисхождения.

— Но я могу помиловать тебя. Нам такие смелые люди нужны. Вступай в наши ряды.

Все ожидали ответа. Среди собравшейся толпы была и мать Мигуэля.

— Я никогда не стану предателем, запомни, Хуан Варгас. А ты умрешь, как собака! За нас тебе отомстят!

Разъяренный Варгас выхватил пистолет и в упор разрядил всю обойму.

Юноша медленно опустился на землю.

Город Хихон расположен в ложине. С северной стороны он амфитеатром выходит на Бискайский залив. Узкие улицы, спускающиеся к морю, веером сходятся на площади святого Антония. С левой стороны громадного порта, где всегда стоят океанские пароходы, на скале Бахо высится величественный маяк Ладога. На юго-запад Плато-Рохас видны высокие дымящиеся трубы заводов—там город Овиедо. А дальше возвышаются Кантабрийские горы.

О, много тайн хранят эти высокие горы! Там на склонах живут партизаны Астурии. Все, кто может держать оружие, кто любит свободу, кому ненавистен режим диктатора Франко.

Партизанам очень трудно с провиантом и оружием, особенно в зимнее время, а главные дороги находятся под усиленным присмотром фалангистов. Но хорошо знала Руфина все тропы, она часто в молодости ходила к своему мужу в дальние шахты, расположенные в горах. И теперь не раз водила в горы груженых мулов с оружием и продуктами.

Об этой женщине, вообще, многое можно было рассказать. Однажды, когда по главной улице шли только что прибывшие колонны фалангистов, она встала во весь рост, как каменная статуя, посреди улицы, подняла руки к небу и крикнула громко им в лицо: «Убийцы!..».

Двое полицейских оттащили ее в сторону. К ней подскочил разъяренный главарь фалангистов, занес было над ее головой стэк с золотой рукоятью, но Руфина вцепилась ему в грудь злыми руками... Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы не вмешались местные жители и полицейские.

Когда Руфину успокоили и повели домой, она всю дорогу повторяла:

— Я видела его... Это был он...

Проклятый убийца!

А горожане смотрели ей вслед и удивлялись: откуда взялась такая сила у этой исхудалой, слабой женщины?

В тот вечер она не могла уснуть.

— Он вернулся, — повторяла она вновь и вновь. — Он вернулся!..

Днем и ночью Руфине не давали покоя последние слова сына: «Запомни, Хуан Варгас: ты умрешь, как собака! За нас тебе отомстят!»

После захвата власти мятежниками Варгас выехал из Хихона в Мадрид и долгие годы не показывался. Когда в Астурии стало беспокойно, в Хихон подбросили подкрепление, начальником гарнизона назначили полковника Хуана Варгас. Было смутное время, особенно когда взорвали бензохранилище в порту. В городе шли повальные обыски. Фалангисты искали партизан. В одну из таких ночей, когда Руфина собиралась пойти на вечернюю молитву, она услышала стон. Не долго думая, она втащила раненого к себе, уложив на матрац, побежала к соседу.

— Франциск, Франциск,— стучала она в дверь.

— Кто там?

— Это я, Руфина.

— Что тебе нужно?

— Открой!

Когда Франциск узнал, что привело к нему Руфину, он спросил, покачав головой:

— Почему ты думаешь, что он наш человек?

— Раз он убежал от фашистов, значит, наш, и его нужно спасти...

Ночью партизан был переправлен в горы. Руфину очень благодарили. В этот день она ходила вся сияющая.

Все готовились к большому новогоднему костюмированному балу. К тому же глава города Ортега Герастиз справлял день рождения своей дочери Консуэлы. По этому случаю специально ремонтировали и украшали замок Рогас у морского порта.

С вечера над замком зажглись тысячи разноцветных огней. Машины,

одна за другой, въезжали в его ворота...

В двух больших залах играл джаз, специально приглашенный из Барселоны. В верхней зале среди высокопоставленных гостей в парадной форме сидел полковник Хуан Варгас. Он сегодня был не в духе, на вопросы отвечал вяло. Открыв золотой портсигар, он достал сигарету, прикурил и спустился в сад. От нечего делать брел по аллее и зло сбивал стэком головки поздних цветов. В это время к нему подошла женщина. Лицо ее прикрывала черная вуаль, руками она придерживала длинное бархатное платье. Подойдя к нему вплотную, она резко сказала:

— Я — мать Мигуэля Сальвадор.

— Что вам нужно?

— Я пришла исполнить приговор: смерть убийце!

Она вскинула руку. Прогремел выстрел.

Стэк с золотой ручкой упал на асфальт, а из правого кармана френча полковника покатился золотой портсигар—подарок генерала Франко.